

Ник Аллек

ЕСТЬ ПУТИ НАЗАД

Ник Алнек

Нет пути назад

Главный герой книги Ника Алнека «Нет пути назад» — обыкновенный служащий, живущий в мире далекого будущего, где человечество, научившись создавать порталы, узнает о других мирах и тут же сталкивается с массой проблем. Влюбившись в молодую женщину, преследуемую законом, он помогает ей и ее отцу бежать в мир Зазеркалья, где узнает об опасности, нависшей над людьми нескольких миров.

Сумеет ли он ради своей любви побороть свои страхи и сомнения? Готов ли он предать тех, кто любит и ждет его дома? И существует ли само Зазеркалье? Об этом вы узнаете, прочитав книгу.

— Расскажите немного о себе.

— Я уже рассказывал.

— Знаю. Но мне интересно услышать, а не читать. Обещаю, больше Вас никто не потревожит.

— Я вам не верю...

— Хорошо... Тогда спрашивать буду я... Судя по записям Вам тридцать пять лет и на свет Вы появились в мае, 27 числа, 3515 года, после полудня, в детском инкубаторе. Пока все верно?

— Да.

— Что это за инкубатор?

— Один из инкубаторов. В них новорожденные находятся под присмотром специально обученного персонала.

— Понятно. Итак, Вы работаете в небольшой конторе по поимке беглецов и носите женское имя Софи. Софи Краут, если быть точным. Скажите, почему у Вас женское имя?

— У моей матери было девять сыновей, но она мечтала иметь дочь. Наконец Департамент Контроля выдал ей лицензию на ребенка женского пола по имени Софи. Матери имя понравилось и она закрепила его за собой, но, когда настал момент идентификации младенца, оказалось, что из-за путаницы с маркировочными пистолетами ей снова достался мальчик.

— Как это произошло?

— Просто нерадивая акушерка умудрилась перепутать меня с этой девочкой, лежавшей рядом, и вшила мне в бедро ее биор[1]. Если бы Вы знали, какой разразился скандал! Моя мать рвала и метала, но изменить что-либо было невозможно.

— Почему?

— Когда биор попадает в тело, он тут же растворяется и становится частью человеческого организма. Разумеется, с того момента любой биосканер фиксировал меня, как особу женского пола по имени Софи. Департаменту пришлось приносить извинения и вносить некоторые изменения в программу сканеров, иначе в дальнейшем, моя жизнь превратилась бы в одну большую проблему... У Вас есть сигарета? Очень курить хочется.

— Да, конечно. Вот, возьмите... Скажите, а какое имя Вы должны были получить, как особь мужского пола?

— Сократ.

— Значит, той девочке дали мужское имя?

— Не знаю. Возможно. Тогда маркировали нескольких младенцев...

— Что было дальше?

— Когда мне исполнилось четыре года меня перевели в школу-пансион. В нем я жил и учился до семнадцати лет.

— Другими словами Вы воспитывались вне семьи?

— Да, как и мои братья.

— Софи, чем Вы стали заниматься после того, как закончили школу?

— Пошел работать. Департамент Занятости выдал мне направление на работу.

— Хорошо. Я читал, что Вы сняли небольшой домик на юге Европейской провинции, в тихой деревушке на берегу моря. Судя по записям Вы любите это место.

— Очень. Там потрясающий воздух. Он пьянит без всякого вина. Мне не хватает моего уютного дво-

рика, дикого винограда, плотно обвинившего его, плетеное кресла, в котором я часто сижу с закрытыми глазами и слушаю шум прибора, вытянув вперед босые ноги.

— Да Вы просто поэт, Софи... Скажите, когда Вы общались с моими коллегами, то часто упоминали термин «Зазеркалье». Можно об этом поподробнее?

— Этот термин появился задолго до моего рождения. В середине двадцать первого века.

— Вы так считаете?

— Я ничего не считаю, это исторический факт.

— Даже так? Что же это за исторический факт?

— Группа ученых, проводила в коллайдере какие-то свои очередные эксперименты.

Видимо, в какой-то момент времени, даже не подозревая об этом, они запустили процесс образования пространственно-временных разломов. Поначалу их никто не замечал. Лет тридцать. Так, время от времени в интернете появлялись заметки о разноцветных свечениях, возникавших то тут, то там на пару-тройку минут.

Писали даже о том, что невольные свидетели этих явлений клялись под присягой, что в радиусе этих свечений исчезало все, что в них находилось, двигалось или произрастало. Поползли разные слухи, но видные ученые, впрочем, как и не очень, в своих выступлениях, ссылаясь на физику природных явлений, миражи и что-то там еще, поспешили назвать все это безобидными фантазиями очень впечатлительных натур...

— Продолжайте...

— Когда свечения прочно обосновались на определенных участках Земли и уже не меркли ни на од-

ну секунду, испугались все. Те, кто проживал в непосредственной близости от загадочных явлений, бросали свои дома, имущество и устремлялись в другие места. За считанные дни вымирали целые города...

— Печально. А, как повели себя ученые?

— В школьных учебниках по истории сказано, что ученые пробовали оправдаться, но когда начался весь этот хаос, то к проблеме подключились военные. Они взяли под свой контроль странные зоны, затем согноли лучших ученых в какой-то бункер и заставили изучить этот странный феномен... Можно еще сигарету?

— Берите... Что еще сказано в учебниках?

— В них сказано, что вскоре ответ был найден и подтвердились давние догадки о многомерности пространства. Цитирую: «Началась новая эра в истории физики как науки, а вместе с ней и новый виток в жизни человечества».

Сначала все шло замечательно. Ученые догадались, хотя, возможно, им и подсказали, как «разорвать» ткань пространства, чтобы связать две отдаленные точки друг с другом.

— Вы сказали «подсказали». Кто подсказал?

— Не перебивайте меня, а то я запутаюсь! Я, знаете ли, в школе был не лучшим учеником. Потом... Потом Вам все станет ясно.

— Хорошо. Простите меня и продолжайте.

— Так вот, им подсказали, как «разорвать» ткань пространства, после чего человечество приобрело возможность перемещаться из одного места в другое. Теперь можно было спокойно, за считанные секунды попасть из Парижа в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса в Пекин, не расходуя при этом больших де-

нег и времени на долгие перелеты. Это привело ко всеобщему ликованию. Особенно счастливы были те, кто боялся летать. Разумеется, не все сразу бросились испытывать на себе преимущества порталов. Их боялись, обходили стороной, отговаривали других. Вы бы стали, рискуя своим здоровьем и жизнью, пользоваться тем, что не понимает и не принимает рассудок?

— Нет.

— Вот и другие боялись входить в порталы. Но время берет свое, и спустя какие-то несколько лет никто уже не мог представить себе жизнь без этих переходов. Отпала необходимость в транспорте. Практически отпала. Воздух стал намного чище — в него уже не попадало столько вредоносных примесей, как раньше.

— Что было потом?

— Люди научились путешествовать между многочисленными слоями пространства. Многие из них оказались местами обитаемыми, в большинстве из которых жили люди, анатомически ничем не отличавшиеся от нас. Мы стали познавать их миры, торговать, влюбляться. Одним словом, мир преобразился и его некогда более или менее видимый горизонт стал бескрайним.

— Красиво сказано.

— Это я процитировал из школьной программы. Знаете, еще в детстве, на уроке «Сотворение мира», наша учительница рассказывала нам, шестилеткам, что мир соткан из огромного количества слоев, отдельных друг от друга числом пространственных или временных координат. Она говорила: «Мироздание, дети, похоже на толстую книгу, состоящую из

множества страниц, каждая из которых представляет собой целый мир со своими законами Вселенной. Подобно тому, как книга имеет много страниц, так и мир состоит из огромного множества слоев, имеющих свое отдельное пространство, отличающееся от другого своими формами».

Потом она попросила сказать из скольких координат состоит наше пространство. Но никто из нас не знал. Весь класс молча сидели на полу, скрестив ноги и тупо смотрел на нее. Учительница тогда разозлилась и заорала: «Какие вы все глупые! Вам скоро семь лет, а вы не знаете, что мы живем в трех координатах, не считая времени!» — и стала рассказывать о местах, в которых время имеет несколько измерений — два, три, а иногда и больше и, что все эти времена движутся одновременно, только с разными скоростями...

— Она бывала в таких местах?

— Вряд ли. Но пожелала всем нам, когда-нибудь попасть в многовремье, чтобы по достоинству оценить его существование. В более старших классах один мой приятель пытался объяснить мне о жизни в тех слоях. Впрочем, не думаю, что Вам это будет интересно.

— Вы не правы. Мне все интересно.

— Он как-то сказал: «Не знаю, как местные аборигены воспринимают свою реальность, но думаю, что на самом деле не все так плохо. Прикинь, ты познакомился с девчонкой, назначил ей свидание, ну, скажем, в парке, а сам на это свидание опоздал. И все — она ушла, на звонки не отвечает. И в то же время ты помнишь во всех подробностях, как суперски провел с ней день, у вас любовь, туда-сюда, потом вы по-

женились. Класс, да?»

Я тогда его спросил: «А если времен три?»

И он ответил: «Тогда еще круче, парень! Может, ты в одном и опоздал на свидание, но в другом, по пути домой встретил другую».

Я тогда еще рассмеялся и сказал: «Ага, и помню, как у нас с ней любовь, семья, дети и все такое... А, если меня чем-то придавило по дороге домой, то я живу и помню собственные похороны?»

«Ну, теоретически да», — согласился со мной приятель.

— Софи, а почему Вы сказали, что сначала все было замечательно?

— Потому что позже оказалось, что не все так хорошо, как виделось в начале. Создание порталов привело к тому, что многие профессии стали просто не нужны, люди теряли работу, а с ней и возможность нормально существовать. Но это была лишь первая ласточка той беды, что уже витала над головами людей.

— Что Вы имеете в виду?

— Другие реальности, или как многие окрестили их «Зазеркалье», преподнесли человечеству удивительный подарок — новую медицину и чудеса генетики. Мы почти перестали болеть и стали долго жить.

— Сколько?

— До двухсот и более лет. Как показало время, люди были не готовы к таким сюрпризам. Жить долго хотелось всем, но не все умели правильно жить долго, либо не справлялись психологически. К тому же подрастало новое поколение, которому тоже требовались определенные условия для нормального

обитания. И хотя многие оставались в других мирах, людей от этого не становилось меньше. Начались убийства: из-за рабочего места, из-за жилья, из-за еды, из-за политических взглядов, религиозных убеждений, да и просто так. Люди сильно деградировали и сходили с ума, каждый по-своему. Они грабили, убивали, насильовали друг друга. Выходить на улицу без оружия считалось безумием. Жизнь больше не представляла никакой ценности и у многих пропало желание иметь потомство. Впереди маячила демографическая катастрофа, а вместе с ней разрушение во всех сферах жизни.

И тогда президенты всех стран были вынуждены пойти на крайние меры. Они создали ОП — Объединенное Правительство, которое тут же изменило и засекретило коды доступа в Зазеркалье. Были образованы новые правительственные структуры. Одной из таких структур стал Департамент Контроля над рождаемостью и смертью, который тут же обязал каждого взрослого человека воспитать как минимум пятерых детей. Те, кто не хотел их иметь, облагались большими налогами. Все эти действия подкреплялись шквалом передач о новых взглядах на происходящие процессы в обществе, о разлагающей идеологии Зазеркалья и прочее, прочее, прочее.

Кроме того, жить теперь разрешалось не более 150 лет. Отсрочку получали лишь те, кто, по мнению Департамента, был полезен обществу — политики, ученые, деятели искусств...

— И все с этим смирились?

— Разумеется, нет! Все эти шаги ОП вызвали шквал возмущения, и по миру прокатились протесты: против закрытия Зазеркалья, против принуди-

тельного ухода их жизни, против самого ОП и просто против ВСЕГО! Их, правда, быстро погасили, зачинщиков упрятали в тюрьмы, запретили ношение любого вида оружия, а в некоторых регионах ввели военное положение. И у людей начался психоз «БЖ» — Боязнь Жизни, известный в старину как «Синдром живого трупа»[2].

— Это когда появляется устойчивое стремление к суициду?

— Да. Люди впадали в тяжелейшую депрессию, кончали жизнь самоубийством поодиночке или группами. Тогда ОП под предлогом избежания некоего опасного заболевания проникшего к нам из Зазеркалья, объявило о начале повальной вакцинации населения новым препаратом «Пиатон». Большинство, поверив в загадочную болезнь, выстраивались в очередь за спасительной прививкой. На деле «Пиатон» оказался обыкновенным наркотиком, обладавшим сильным седативным действием. Люди успокаивались, однако побочный эффект этого препарата вызывал у них не только сильную психическую и физическую зависимость, но и разрушительно действовал на некоторые органы. Их замена стоила ОП огромных средств, и препарат быстро заменили на другой — «Окситон», вызывавший не только состояние умиротворения, но и позволявший человеку не испытывать усталость на протяжении многих часов. Через пару месяцев, восемьдесят процентов населения не могло обходиться без этого лекарства. Несмотря на то, что последний наркотик не приводил к сильным физическим разрушениям, ОП заявило, что отныне дети будут вынашиваться в специально разработанных инкубаторах.

— Расскажите мне о своей матери.

— Я не знаю, что о ней рассказывать.

— Что-нибудь, в общих чертах. Как ее зовут, как она выглядит...

— Ее звали Джул.

— Почему звали? Она умерла?

— Не знаю...

— Хорошо. Итак, ее звали Джул.

— Она была высокой, красивой, генетически абсолютно здоровой женщиной. Ни одного изъяна. Ее покойные родители были людьми успешными, богатыми и влиятельными, что дало ей возможность учиться в лучших школах, одеваться в самых дорогих бутиках и отдыхать на самых шикарных курортах. Разумеется, читала она и смотрела только то, что было разрешено и одобрено специальным Департаментом по Воспитанию и Образованию. Когда ей исполнился двадцать один год, она вышла замуж за старшего брата своей школьной подруги — только потому что тот являлся посланцем в одном из миров Зазеркалья и это давало ей право не только беспрепятственно бывать там, но и, возможно, продлить себе жизнь.

— Она любила Вас с братьями?

— Нет. Она никогда нас не любила и предпочитала навещать сначала в инкубаторах, а затем раз в год в пансионатах. Все остальное время Джул проводила в свое удовольствие.

— Вы, когда-нибудь бывали у нее дома?

— Родители обязаны приглашать детей к себе, хотя бы раз в месяц.

— Ваша мать так и поступала?

— Нет. Два-три раза в год Джул устраивала семей-

ные обеды, на которые кроме нас приглашала многочисленных друзей и знакомых.

— А, как Вы думаете, зачем она приглашала посторонних на семейные обеды?

— Думаю, это была показуха. Некий отчет перед другими.

— Вы часто общаетесь со своими братьями?

— Нет. Я о них даже и не думаю, впрочем, как и они обо мне.

— Скажите, а у Вас есть отец?

— Да. Маленьким, я видел его от силы раз пять: карьера посла не позволяла ему часто бывать дома. Когда мне исполнилось пятнадцать лет он исчез. Кто-то говорил, что его убили, кто-то предположил, что он остался в Зазеркалье и у него другая семья. Джул очень злилась.

— Почему?

— Потому что она не могла больше посещать Зазеркалье.

— Я читал в Вашем досье, что Вы посетили Зазеркалье. Как Вам удалось это сделать, учитывая положение дел?

— Зачем Вы хотите это знать?

— Чтобы понять, как Вам помочь. Или Вам не нужна наша помощь?

— Нет. Да. Не знаю.

— Расскажите, как Вы туда попали?

— Если я расскажу, Вы поможете мне?

— В этом и заключается моя задача, Софи...

— Хорошо. Это случилось за месяц до моего дня рождения... В то утро звонок будильника прогремел над моим ухом, как раскат грома, заставив меня вынырнуть из объятий Морфея[3], а, может, и самого

Гипноса[4] с жуткой головной болью. Не открывая глаз, я сел на край тахты и уперевшись локтями в колени, начал пальцами массировать виски. Боль стала уходить. Рядом послышалось цоканье, и я почувствовал на своем лице горячее дыхание. Это был Хвост — моя немецкая овчарка, мой единственный друг, которому я могу рассказать все, что накопилось в моем воспаленном воображении. Я люблю его, и Хвост платит мне тем же.

— Ты-ы прро-осну-улся? — протяжно поинтересовался он.

— Почти, — ответил я и открыл глаза.

Пес стоял рядом и вилял хвостом. Протянув руку, я потрепал его по загривку.

Не смотрите на меня так — я не сумасшедший. Это теперь звери умеют говорить. Не все, но умеют. Спасибо генетикам. Лет пятьсот назад они изменили что-то в их мозгах и гортани, что привело к большому научному открытию.

— Пра-або-ота-а? — пес посмотрел на меня преданным взглядом.

— Да, приятель, — сунув ноги в шлепанцы, я с трудом поднялся и побрел на кухню. — Сейчас тебя выпущу, потом накормлю. Когда вернусь, не знаю. Я оставлю тебе еды на вечер.

— Хо-орро-ошо-о, — Хвост двинулся следом за мной.

Я открыл дверь и пес выскочил в садик.

Добежав до любимого куста Хвост внезапно остановился и, повернувшись ко мне, провыл:

— Джу-ул. Вче-ерра-а.

Я поморщился. За последний месяц это был уже пятнадцатый звонок от нее.

Придется с ней поговорить. Сварив себе кофе, я уселся за стол и поправив на своем запястье вирком [5], набрал номер матери.

— Слушаю, но не вижу, — раздался ее голос.

— Привет, Джул, это Софи.

— Наконец, — в ее голосе послышалось слабо скрываемое раздражение, — я ждала твоего звонка еще вчера. Разве твоя псина не передала тебе?

— Говори, что тебе нужно, мне скоро уходить.

— Почему я тебя не вижу?

— Нет времени подключать голограмму.

Она знала, что я вру, но ничего не сказала, лишь наигранно вздохнув, промурлыкала:

— Ты слишком много работаешь, сын. Тебе ни на что не хватает времени. Из-за этой работы ты до сих пор не женился и не завел детишек. И друзей у тебя нет.

— У меня есть Хвост.

— Хвост, — хмыкнула в ответ Джул. — Он не может заменить тебе жену и детей. Кстати, через месяц тебе исполнится тридцать пять. Ты помнишь об этом?

— Помню, — буркнул я.

— Тогда в чем дело? Надо отпраздновать это событие. Если дело в деньгах, то я могу одолжить тебе небольшую сумму. Ты же понимаешь, после того, что сделал твой отец, я осталась совсем нищей.

— Понимаю, — согласился я. — Рестораны, модные показы, вечеринки. И везде надо поспеть. Джул, ты можешь спать спокойно, у меня есть деньги. Правда, вечеринка отменяется.

— Но... — начала было она.

— Не стоит ломать комедию, мама. Мы оба пре-

красно знаем, что тебя мало заботит жизнь собственных детей. Если бы не закон, ты вряд ли завела нас.

— Даже если это и так ты не вправе упрекать меня.

— Так зачем ты звонила?

— Меня волнует судьба моего прошения в Департамент. Ты случайно не в курсе: по нему принято решение?

Я знал, но надеялся, что она не спросит.

— Нет, не знаю, — снова соврал я ей. — Постараюсь сегодня все выяснить.

— Да-да, узнай и позвони, — в ее голосе слышалась нервозность. — Мне снова пришло напоминание. Кстати, меня пригласили в качестве модели на грандиозное шоу. Представляешь? Оказывается, я еще интересна людям! Они придут на меня посмотреть. Меня никак нельзя лишать жизни. Ты передай им это. Никак. Я могу принести казне много денег. Ты все запомнил? И позвони. Сразу же, как только узнаешь.

Я отключился. Конечно, я ей не позвоню. Просто пошлю сообщение, что Департамент Контроля над рождаемостью и смертью сожалеет о том, что мадам Джул Краут обязана покинуть этот мир через шесть месяцев, потому как не считает указанную в прошении причину веской для принятия положительного решения в пользу продления жизни. Еще я напишу, что Департамент благодарит ее за сто пятьдесят лет преданного служения обществу и настоятельно рекомендует, обратившись в любое юридическое бюро, привести в порядок все свои дела и составить завещание. Даже посоветую ей такое бюро. Я очень

надеялся, что она мне больше не позвонит и следующая наша встреча состоится только на ее похоронах.

Прибежал Хвост. Его лапы были влажными от утренней росы. — Ку-уша-ать, — попросил он. Я поставил перед ним миску с едой, а сам поплелся в ванную. Там я привел себя в порядок, затем убрался на кухне, оделся и включил для Хвоста его любимый канал для животных. Он тут же, запрыгнув на мягкую тахту и вытянувшись на ней во всю длину, уставился на экран. Я улыбнулся и тихо закрыл за собой дверь.

Моя контора находится на втором этаже одного из деловых центров Европы. Когда мне не нужно рыскать в поисках беглецов, я люблю сидеть здесь, в небольшом кабинете ловцов, и, медленно покручиваясь в мягком кресле из стороны в сторону, наблюдать за бурлением жизни сквозь затемненное стекло окна.

Вот и в тот день, откинувшись на высокую спинку кресла и наблюдая за прохожими, я разговаривал с моей домовладелицей:

— Анна, скорее всего я вернусь поздно. Сможете покормить и прогулять Хвоста?

— О чем речь, Софи! Я сейчас же за ним схожу и возьму его к нам домой. Ты же знаешь, как Альберто любит гулять с ним по берегу моря.

Сеньора Анна — дама в возрасте. Я не знаю сколько ей лет. Возможно, около семидесяти. Она, как и все ее предки, принадлежит к церкви «Истинная Жизнь», которая запрещает переходы в другие земли и призывает чад своих прожить столько, сколько отпустит Сам Творец. Тех же взглядов придерживается и ее муж Альберто. Им принадлежит немного

земли на берегу Средиземного моря. Будучи молодыми они возвели на ней Храм, куда из многих мест стали стекаться приверженцы их веры. Но после того как на «Истинную Жизнь» начались гонения и Храм подожгли, им ничего не оставалось делать, как построить на этом месте небольшую деревню, в которой любили останавливаться на отдых художники, писатели и поэты. Поселившись в одном из домов, я стал единственным, кто не вписывался в эту творческую атмосферу.

Супруги сами воспитали пятерых детей, из которых лишь двое остались жить рядом с родителями. За те семнадцать лет, что я снимаю у них дом, мы очень сблизились. Когда я решил завести собаку и получил на это разрешение, сеньор Альберто лично сопровождал меня в питомник, где помог выбрать щенка. Если мне приходилось много работать, то я оставлял Хвоста с ними. Он был очень привязан к старикам, тем более, что свои первые слова пес сказал благодаря им.

Я был доволен, что Хвост не будет скучать и хотел было приступить к работе, но меня отвлекла Эдит — секретарша шефа, восхитительная женщина лет ста двадцати. Когда я только устроился в контору, у нас с ней случился бурный роман. Она стала моей первой женщиной, и я даже сделал ей предложение. Эдит тогда рассмеялась мне в лицо и ответила отказом. Видите ли, для семьи ей нужен мужчина состоятельный, а не вчерашний школьник, который годится ей во внуки. После того разговора мои отношения с ней стали носить исключительно рабочий характер. Недавно, напившись, на ее очередные вздохи по поводу того, что мужчины видят в

ней только потенциальную любовницу, а не жену, я умудрился ляпнуть, что у нее еще вся жизнь впереди...

Эдит медленно вошла в комнату и не спеша подошла ко мне, соблазнительно покачивая бедрами. Аккуратно подвинув в сторону флешку с данными на беглецов, она поставила на стол чашку горячего какао и, развернувшись, так же медленно направилась к двери. Взявшись за ручку, Эдит, лишь слегка повернув голову в мою сторону, сказала:

— Звонил Лоренс. Просил срочно с ним связаться.

— Спасибо.

Пожав плечом Эдит вышла, затворив за собой дверь.

Отхлебнув из чашки ароматный напиток я удобнее устроился в кресле и стал внимательно изучать информацию, мелькавшую на экранах регистратора. Полностью погрузившись в работу я забыл о том, что должен позвонить Лоренцу. Когда же я вспомнил о нем у меня сразу заныли зубы.

Лоренц был моим шефом. Высокий, несколько полноватый мужчина пятидесяти двух лет, с редкими лоснящимися волосами и маленькими, близко посаженными глазками, он производил отталкивающее впечатление. Каждый раз, когда мне приходилось с ним общаться, он постоянно, что-то жевал. Я потянулся к запястью и с ужасом обнаружил, что виркома на руке нет. Видимо, я забыл одеть браслет после душа. Придется надеть очки. Поморщившись, я нацепил их на себя и, не отрываясь от экранов регистратора, произнес вслух:

— Звонок Лоренсу.

По линзам очков пробежала рекламная строка, после чего появилось лицо жующего шефа.

— А, Краут! — с набитым ртом воскликнул он.

— Вы искали меня?

Лоренц тщательно вытер рот салфеткой и спросил:

— Ты получил новое досье на беглецов?

Я скосил глаза на левый нижний экран регистратора. По нему медленно полз список имен тех, кто не явился в Дом Забвения на прошлой неделе. Теперь, спустя три дня, они были объявлены в розыск и их данные поступили во все офисы, занимавшиеся поиском потенциальных покойников.

— Да, — я снова сфокусировал взгляд на шефе. — На кого-то стоит обратить особое внимание?

— Номер пятьдесят, — отозвался Лоренц. — Красная метка.

«Особо опасен», — про себя подумал я и, отыскав глазами нужный номер, прикоснулся к нему пальцем. Передо мной развернулось галографическое изображение молодой женщины с короткими темными волосами, пухлыми губами и большими синими глазами. Она улыбалась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

— Вы уверены, что она из беглецов? Выглядит естественно молодо. И взгляд молодой женщины.

Лоренц аж поперхнулся:

— Красная метка! Краут, проснись! Она не беглец и не подлежит уничтожению. Ее просто надо найти и доставить в Департамент Общественной Безопасности. Хочешь знать, сколько дадут за ее поимку? Миллион кредитов. Ты когда-нибудь слышал о таком?

— Нет, — ответил я. — В какое дерьмо она сунула свою миленькую головку, если за нее отваливают целое состояние?

— Тебя как ловца это не должно волновать, но я намекну. Она — дочь Артура Зарин.

— Я должен его знать?

— Софи, ты меня поражаешь! Ты не только должен, ты обязан знать его имя. Из школьной программы.

— Да я как-то не отличался большой любознательностью. Кто он такой?

— Профессор физики, возглавлял группу ученых, изучавших пространственные разломы.

Я даже присвистнул:

— Не может быть! Ему же тогда...

— Очень много лет, — закончил за меня шеф. — Несоизмеримо много.

— Как же он умудрился столько прожить?

— Благодаря Зазеркалью. Он провел там слишком много времени, тем более в самых закрытых слоях, куда доступ имеют единицы. Вернулся оттуда лет сорок назад. Находился в фаворе у ОП, но спустя год был лишен всех званий, отлучен от науки; ему перекрыли доступ в иные миры. Поговаривают, что он нашел проход в срез прошлых событий.

— Это тоже в школе изучают? — поинтересовался я.

— Не ломай комедию, Краут, — шеф явно был не в настроении. — Об этом мне рассказал старина Аарон.

Аарон... Аарон... Аарон... Я пытался вспомнить, где я слышал это имя. Ах, да! Аарон — муж сестры Лоренца. Точно! Он работает в администрации ОП и

частенько, выпив больше положенного, делится слухами и сплетням, гуляющими в кабинетах власти.

— Мало того, — продолжал Лоренц, — в это же время при загадочных обстоятельствах один за другим погибают все члены его рабочей группы. Где сам профессор, никто не знает.

— Так в чем проблема? Надо проверить биосканы...

— Ему черт знает сколько лет! Тогда еще не было биоров! — рывкнул Лоренц и побагровел.

— Извините, забыл, — я откинулся на спинку кресла. — Значит, его дочь является всего лишь приманкой? А в Департаменте уверены, что она знает, где находится ее родитель?

Лоренц потер мочку уха и хмыкнул:

— Это не наше с тобой дело. На кону стоят большие деньги, и это все, что меня интересует.

— Вы хотите, чтобы именно я поймал эту девицу?

— Понимаешь, Софи, ты хороший ловец. Впрочем, что я говорю! Ты один из лучших. У тебя потрясающая интуиция!

— Благодарю, — мне было приятно услышать похвалу от этого человека.

Лоренц откашлялся и продолжил:

— То, что ты видишь — приблизительная картинка того, как она может выглядеть сейчас.

— Они создали ее на основе фотоанализа отца и матери?

— Нет.

— Хорошо. Тогда, почему они не запустят фотосканеры? Быстрее получится.

— А кто тебе сказал, что они этого не сделали? Вся загвоздка в том, что мы не знаем ее имени и да-

же если задержим похожую на нее женщину, то как докажем, что она и есть дочь профессора?

— ДНК ее отца.

— А у нас есть это ДНК?

— Понятия не имею.

Лоренц поджал губы:

— Софи, у нас нет его ДНК. Кстати, она из того же инкубатора, что и ты. Все, что у нас имеется — это адрес дома, где якобы профессор жил одно время. Кое-кто обещал мне придержать этот адресочек на пару часов. Если поторопишься, то успеешь попасть туда первым. Принимайся за дело!

И он отключился.

Засунув руки в карманы брюк, я нервно ходил по кабинету из угла в угол. Я не люблю искать людей, когда за ними гоняется еще сотни две ловцов. Приблизившись к столу и оперевшись о него руками, я решил еще раз пробежаться глазами по досье дочери профессора.

Итак, «мисс Зарин, родилась 2 августа 3515 года в австралийском отделении детского инкубатора...»

Там же, где и я.

«Присвоен номер 4.992.550.932. Была похищена из инкубатора собственным отцом и отбыла в неизвестном направлении. Настоящее имя, как и биор не известны».

И как же она тогда училась в школе? Или лечилась, когда болела? Это абсолютно невозможно сделать, если биоскан не определяет биор. С этим я решил разобраться позже и вернулся к досье...

«Возможный адрес пребывания, возможный номер виркома...»

Везде «возможный», но попробовать стоило. Я набрал номер. Раздались гудки. Один, два... девять. Включился автоответчик. Сначала я услышал задорный женский смех, затем какую-то возню, шушуканье и только затем приветствие:

«Привет! Это Аврора. Самая красивая, самая обворожительная, самая изящная, самая удивительная, самая умная, самая веселая, самая обаятельная, самая-самая, что просто не нахожу слов. Я пошутила! Самая сексуальная, стильная, шикарная, чертовски артистичная, неумолимая, дерзкая, забавная и просто идеальная! Согласны? Тогда смело оставляйте сообщение, и я обязательно перезвоню».

Это явно была, какая-то другая особа. Не думаю, что дочь профессора была так наивна, чтобы оставлять свое приветствие на виркоме. Часы показывали одиннадцать. В Доме Забвения меня ждали только в пять вечера и я решил стонять по возможному адресу пребывания беглянки.

Через пять минут я уже входил в просторный вестибюль, стены которого украшали двенадцать исполинских полуфигур мужчин и женщин. Эти мраморные красавцы-титаны, выходящие телами из стен, держали на своих могучих плечах высокий расписной потолок. Между ними находились затемненные арочные проемы — порталы. На удивление было немногочленно. Я подошел к одному из свободных проемов и, набрав на дисплее, висевшем сбоку, код местности, стал ждать. Через пару секунд по затемненной глади проема пробежала первая рябь — это был сигнал, подтверждающий, что переход возможен. Когда рябь усилилась, я сделал шаг.

Ожидая, пока местный паренек подгонит мне

электромобиль, я, заложив руки за спину и закрыв глаза, наслаждался звуками Тихого океана. Его волны с мягким гулом накатывали на берег и ударяясь о небольшие каменные пороги, с мягким шумом убегали обратно в толщу воды. Здесь, в Центральной Америке, был поздний вечер. Где-то совсем рядом играла музыка, слышались голоса, нестройное пение и смех. Как же жарко и душно! Я открыл глаза, снял пиджак и ослабил узел галстука. В моем распоряжении было часа четыре. Потом я должен был вернуться в контору и прямо оттуда мчаться в Дом Забвения.

Ко мне на большой скорости подъехала машина

с откидным верхом. За рулем, широко улыбаясь, сидел посыльный.

— Сеньор, извини, долго ждать! — с сильным акцентом прокричал паренек, выскакивая из машины и уступая мне место. — Ехать прямо, потом право и вверх на гора. Там то, что искать. Может, сеньор хотеть взять номер отель?

— Нет, спасибо.

— У нас есть хороший девочки, мальчики, есть маленький возраст. Сеньор любит?

— Нет!

Усевшись за руль машины и настроив навигатор, я тронулся с места. Под колесами зашуршал гравий. Дом, где могла жить дочь профессора, находился не на побережье, как я предполагал изначально, а практически в горах, в стороне от шумных курортных мест. Навигатор предательски молчал. Проехав несколько километров и не встретив ни одного указателя, я чуть было не проскочил поворот. Резко затормозив и выругавшись я полез во внутренний карман пиджака за очками. Они, конечно, вещь хорошая, удобная и в некоторых ситуациях незаменимая, но у меня от них начинала сильно болеть голова. И не только у меня. Когда-то они стали огромным прорывом в области IT-технологий. Тогда, благодаря очкам, отпала необходимость таскать с собой разные девайсы. Очки соединяли в себе всё и давали владельцу неограниченные возможности. Со временем их стали носить все и они превратились в неотъемлемую часть имиджа. Появилось много модельеров, придававшим оправе и линзам всевозможные формы и цветовую гамму. Но не все были рады появлению такого девайса — многие считали,

что он способствует вмешательству в личную жизнь других людей, находящихся рядом, так как их передвижения моментально становились известны широкой публике. Суды были завалены исками. Противники использования этого устройства в общественных местах предпочитали самостоятельно вершить «правосудие». Они срывали очки с тех, кто их носил, разбивали или давили ногами. Иногда, за кампанию, доставалось и владельцу очков — его избивали, а порой и калечили. Но никакие действия не могли отбить желание у тех, кто хотел постоянно находиться он-лайн.

Спустя какое-то время с теми, кто не мог расстаться с очками целый день, начали происходить странные вещи: их преследовали головные боли, резь в глазах, воспаление век, а в некоторых случаях и слуховые галлюцинации. Врачи забились тревогой: сильно возросло число онкологических заболеваний среди любителей очков и, когда лет через двести на свет стали появляться младенцы с признаками дистрофии глазного яблока и головного мозга, власти многих государств, существовавших еще в то время, запретили использование этого девайса. Только в крайних случаях, только спецслужбам и только на короткое время. Так как я был ловцом, то имел право на ношение очков, но пользовался ими крайне редко.

Надев очки, я открыл карту и, сдав назад, свернул на узкую извилистую дорогу, идущую сквозь кипарисовую рощу. Миновав ее, электромобиль устремился вверх. На крутых горных поворотах ему явно не хватало мощности. Он еле полз и у меня начали сдавать нервы. Еще немного, и я бы собственноруч-

но сбросил машину в пропасть. Останавливало только то, что, судя по карте, которую я видел на линзах, мне требовалось преодолеть еще приличное расстояние. Минут через двадцать я уперся в отвесный склон горы, на котором пучками произрастала какая-то зелень. Дальше дороги не было, но в свете фар был виден небольшой подъемник. Облегченно вздохнув, я снял очки и, заглушив мотор, вылез из машины. Дул сильный, пронизывающий ветер. Пожившись, я достал из машины пиджак и быстро надел его на себя. Медленно приблизившись к подъемнику и внимательно изучив его, я встал на платформу и дотронулся до панели. Подъемник дернулся и медленно пополз вверх. Интересно, в каком веке устанавливали эту рухлядь?

То ли от холода, то ли нервишки окончательно расшалились, но меня стало потрясывать. Только этого мне и не хватало! Решено, как только доберусь до этой девицы и доставлю куда надо, сразу возьму отпуск и буду сидеть дома, в саду и читать Хвосту вслух книги. Или мы будем валяться на диване и тупо смотреть все, что показывают многочисленные каналы — главное отключить мысли.

Подъемник еще раз дернулся и остановился. Ступив на каменистую почву, местами покрытую мхом, я огляделся. Пологий склон представлял собой почти ровный участок земли, где у подножия другого горного хребта стоял дом, умело скрытый от посторонних глаз. Его стены были покрыты материалом, напоминавшем кору дерева, а в больших окнах отражались растущие на соседних склонах деревья. Где-то рядом слышалось журчание горного ручейка. Я подошел к дому и подергал за ручку двери. Она

была заперта.

Постучав, я прислушался. В доме царила тишина. Тогда, я попробовал хоть что-нибудь разглядеть через толстые стекла окон, но было так темно, что моя надежда на внезапную удачу стала быстро улетучиваться. Потоптавшись еще немного, я решил, что пора уходить. И именно в этот момент в глубине дома вспыхнул огонек. Я не поверил своим глазам. Неужели она дома? Огонек стал приближаться, и через несколько мгновений дверь мне открыла пожилая женщина в длинной белой рубахе. На голове у нее красовался старомодный чепчик, а в руках она держала медную старинную лампу, освещавшую ее морщинистое лицо.

Посмотрев на меня строгим, чуть мутным взглядом, старуха сурово сказала:

— Мы ждали тебя еще утром. Проходи!

И она посторонилась.

Меня явно с кем-то спутали, но я ничего не сказал и лишь молча переступил порог дома. Свет от лампы был тусклым и не позволял увидеть многое: лишь пару обшарпанных диванов, да низкий журнальный столик на трех ножках.

Прошаркав мимо меня, старуха буркнула:

— Жди здесь.

— Мэм, включите свет — я темноты боюсь, — ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

Старуха, что-то пробормотала себе под нос, но свет зажгла. И тут, я обомлел. Все стены были заставлены книжными шкафами, в которых плотными рядами стояли или лежали самые настоящие книги. На меня это произвело ошеломляющее впечатление. Такого количества книг я не видел даже

в музеях. Неужели, когда-то, во всех домах находились такие библиотеки? Вряд ли. Они занимают слишком много места. Куда удобнее электронные хранилища.

Я не удержался и протянул руку к одной из книг. Прикоснувшись подушечками пальцев к ее корешку, я ощутил шероховатость материала. Аккуратно вытащив реликт я открыл его на первой попавшейся странице, и мне в ноздри ударил странный едко-кисловатый запах, от которого тут же защекотало в носу. Я громко чихнул. Обветшавшие и пожелтевшие от времени страницы казались хрупкими и готовыми в любой момент рассыпаться у меня в руках. Испугавшись, что этим все и закончится, я быстро захлопнул книгу и поставил ее на место.

— Не привыкли нынче люди к настоящим книгам, вот и чихают от бумажной пыли, — услышал я голос хозяйки дома.

Обернувшись, я посмотрел на пожилую женщину. Она поманила меня к себе пальцем и я послушно подошел к ней.

— Вот это надо передать получателю, — сказала старуха, протягивая мне толстую тетрадь.

Я взял тетрадку в руки и из нее тут же, что-то выпало и мягко спланировало на пол.

— Какой неуклюжий! — возмутилась старуха.

— Извините, мэ, случайно получилось.

Я нагнулся и поднял всю в изломах и с неровно оторванным краем старинную фотографию запечатанную в непроницаемую пленку, на которой была запечатлена красивая молодая женщина.

— Кто это? — спросил я, рассматривая фотографию.

Старуха кинула на нее безразличный взгляд и, пожав плечами, ответила:

— Я так давно живу, что не помню.

Заложив фотографию между листами, я захлопнул тетрадь и сказал:

— Тогда я пойду.

Старуха открыла мне дверь и я вышел в прохладу ночи.

Вернувшись в контору я быстро пролистал страницы тетради. Они были исписаны математическими уравнениями, странными символами и схемами. Ни одного слова. Настоящая головоломка, которую я очень хотел разгадать, но времени было в обрез и я, сунув тетрадь во внутренний карман пиджака, начал готовить документы по беглецам. От работы меня отвлек звонок. Это был Лоренц.

— Есть новости, — заявил он, как только его лицо проявилось на линзах очков. — Конкурирующая контора поймала одного парня. Он ошивался около того самого дома, где когда-то жил профессор.

Я напрягся. А вот и курьер нашелся.

— Когда?...

— Час назад. Так что можешь туда не соваться.

— Я только что оттуда вернулся.

— И?...

— Ничего. Профессор там не живет. Его дочь тоже. Только старуха. А, что за парня там взяли?

— Обыкновенный курьер. Работает в одной небольшой фирме. Неделю назад им поступил заказ. Нужно было забрать что-то из этого дома и передать это что-то завтра в руки некоего гражданина в Новой Зеландии. Парни у этих курьеров все заявки

просмотрели. Действительно есть такой заказ.

— Думаете, у банка будет сам профессор?

— Не думаю. Поэтому по-прежнему нас интересует только его дочь. Ты должен ее поймать. Миллион кредитов.

— А что старуха? Ее арестовали? — поинтересовался я, стараясь вложить в свой голос максимум равнодушия, на которое только был способен.

— Да кому она нужна! Уверяет, что никого не видела, ничего не знает, вот только я ей не верю. Эх, знать, где там камеры слежения установлены, думаю, мы много интересного узнали бы.

Я хорошо понимал, о чем говорил шеф. Официально считалось, что камеры слежения в Центральной Америке, как и еще в парочке подобных мест, где находились самые злачные курорты мира якобы не устанавливались. На самом деле скрытые камеры в этих местах были повсюду и предназначались для слежки за политиками и толстосумами. И желающих заполучить информацию о буйствах развлекающейся публики было много.

— А, если запросить информацию со спутников? — предложил я.

Лоренц расхохотался:

— Софи, ты порой как наивное дитя! С каких пор военные помогали Департаменту Безопасности? Они ненавидят друг друга. Забудь!

— Шеф, а Вам не кажется странным, что той старухе явно больше ста пятидесяти лет, а ее никто не трогает?

Лоренц помолчал, а затем ответил:

— Кто их разберет. Это не наша забота. В списках беглецов она значится?

— Нет.

— Так почему у нас должна болеть голова?

Ровно в пять вечера я прибыл в Дом Забвения и, быстро поднявшись на второй этаж, вошел в комнату ожидания. Мои беглецы находились уже там, под присмотром двух полицейских из ДОБа. По всей видимости, их уже успели накачать убойной дозой транквилизаторов — движения были заторможены, а взгляды безжизненными и потухшими.

Кивнув полицейским, я направился к стойке администратора, за которой стоял полный мужчина в черном костюме. Проведя ладонью по густой шевелюре, он обратился ко мне:

— Вы Софи Краут?

— Да.

— У нас все готово для проведения ритуала. Вам осталось только подтвердить свой статус и получить деньги.

Я приложил ладонь к дисплею на поверхности стойки. Тот мгновенно считал мой биор и на нем высветились цифры. Пятьдесят?

Я перевел взгляд на администратора.

— Простите, но тут, какая-то ошибка. Мне должны были перевести шестьдесят кредитов...

— Никакой ошибки нет, — ответил администратор и снова провел ладонью по волосам. К нам доставили пять беглецов. По десять за каждого. Итого пятьдесят.

Я обернулся. Пересчитав подопечных, я поманил к себе пальцем одного из полицейских и спросил:

— Где еще один?

— Скончался по дороге от разрыва сердца, —

отрапортовал тот.

— Вы готовы? — услышал я за спиной голос администратора.

— Да. Готовы.

Он набрал на дисплее код, и раздвижные двери из непроницаемого матового стекла бесшумно разъехались в разные стороны, пропуская нашу группу внутрь.

Ненавижу эту часть своей работы. Каждый раз, когда я попадаю в Комнату Упокоения, меня прошибает пот либо бьет озноб. Я не раз задавался вопросом, что буду чувствовать сам, когда наступит мой черед. Может, к тому времени изменятся законы или все снова начнут быстро стареть? Или, к примеру, наш мир перестанет существовать?... Хотя, возможно, ничего не изменится и мне придется сделать этот чертов выбор: спокойно уйти из жизни под действием препаратов или бежать и скрываться, как это делают многие другие.

Нас уже ждали две женщины в длинных черных платьях с кружевными белыми воротничками. Пока полицейские снимали пластиковые наручники я от нечего делать принялся рассматривать убранство комнаты, в которой не был месяца полтора. Она ничуть не изменилась. Все те же бежевые стены, приглушенный свет и светло-пепельные перегородки, делящие пространство на несколько частей. Интересно, какое количество уходящих ежедневно проходит через это место? Я начал было производить в уме арифметические действия, но от этого занятия меня отвлек администратор.

— Вы хотите присутствовать при подключении к капельницам? — услышал я его вопрос.

— Нет, увольте. Предпочту, если за меня это сделает, кто-нибудь другой.

— Тогда Вы можете идти. Если хотите, я выпущу Вас здесь, но лучше через основной зал. Оттуда ближе к portalу.

— Знаю.

Направляясь к выходу, я краем глаза видел, как беглецов по очереди уводят за перегородки. Там, уложив их на красиво убранные каталки, им надедут наушники, а в вену введут иглу от капельницы, в которой их дожидается «Зов Предков» — специальный коктейль для безболезненного ухода из жизни.

В основном зале было многолюдно. Пришедшие проститься томились в ожидании: одни просто стояли, уткнувшись в свои гаджеты, другие тупо слонялись из стороны в сторону, а третьи смотрели рекламу на телепанелях.

Я стал пробираться к выходу и тут мой взгляд наткнулся на лицо молодой женщины. От неожиданности я чуть не споткнулся. Это была она — женщина со старинной фотографии. Один в один. Только моложе и волосы темнее. Дочь профессора? Возможно.

Мисс Зарин стояла около заплаканной женщины и о чем-то тихо с ней разговаривала. Почувствовав, что на нее кто-то смотрит, она повернула голову в мою сторону и замолчала. Глупо было стоять и продолжать пялиться на нее. Мне ничего не оставалось, как подойти к ним.

— Добрый вечер, — поздоровался я не сводя глаз с мисс Зарин.

Она ничего не ответила, только кивнула в ответ,

а ее спутница спросила:

— Вы пришли попроситься с Фрэнком?

— Да, — соврал я уже четвертый раз за день.

Женщина слабо улыбнулась и сказала:

— Я совсем не помню Вас. Простите, но у меня сейчас такое состояние...

— Понимаю, — отозвался я и слегка пожал протянутую мне руку.

— Спасибо, что нашли время. Это так странно. Я сообщила всем, кто знал Фрэнка, но, как видите, пришли только Вы и Лизи.

Вот, значит, как. Ее зовут Лизи...

— Вы работали вместе с моим мужем?

— С кем? — не понял я.

Дочь профессора удивленно приподняла одну бровь, а женщина повторила:

— С моим мужем. С Фрэнком.

— Ах, да, — спохватился я. — Нет-нет, встречались, иногда.

— Встречались? — женщина сильно сжала в руках небольшую сумочку. — Последние двадцать лет Фрэнк не выходил из дома...

Я поспешил перевести разговор, и обратившись к Лизи, сказал:

— Давно мечтал с Вами познакомиться, мисс Зарин.

От неожиданности та вздрогнула:

— Я не понимаю...

Она не успела договорить. Появились первые каталки с усопшими, и ее спутница, громко всхлипнув, устремилась к одной из них. Лизи поспешила следом.

Я не знал, что мне делать. С одной стороны, я

представился знакомым покойного, а с другой, мне абсолютно не хотелось ломать комедию скорби. На мое счастье, сотрудники Дома Забвения не дали растянуть процедуру прощания, и каталки очень быстро увезли в крематорий.

Поддерживая под руку жену Фрэнка, Лизи повела ее к выходу. Я не мог отпустить ее просто так. Догнав женщин у самого порога, я обратился к мисс Зарин:

— Простите, но нам обязательно нужно поговорить.

Лизи в недоумении посмотрела на меня:

— Вы же видите, я сейчас не могу. Позвоните мне завтра. Вы знаете мой номер?

— Это не может ждать до завтра, мисс Зарин.

Жена Фрэнка посмотрела на Лизи и тихо произнесла:

— Не беспокойся за меня, девочка, со мной все будет хорошо. Жаль, что твой отец не смог приехать.

Женщина нежно обняла дочь профессора, и та поцеловала ее в щеку. Слабо улыбнувшись, вдова Фрэнка дотронулась до моей руки и после этого покинула Дом Забвения.

Лизи проводила ее взглядом и повернулась ко мне. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего:

— Кто Вы такой? — строго спросила она.

— Мисс Зарин, — начал я.

— Я не мисс Зарин, — перебила она меня, — и я не понимаю, почему Вы уже третий раз обращаетесь ко мне подобным образом.

Я опешил. Ошибиться я не мог. Я был уверен на миллион кредитов, что передо мной стоит дочь профессора.

— Профессор Артур Зарин Ваш отец?

— С чего Вы это решили? — приподняв одну бровь, спросила Лизи.

— Да или нет?

— Что Вы хотите? Я позову охрану!

— Это Ваше право, мисс Зарин, но, если Вы заметили, я пока вежлив с Вами.

Она, отскочив от меня, крикнула:

— Это называется вежливость?!

Несколько любопытных взглядов устремились в нашу сторону.

— Давайте, не будем привлекать к себе внимание, — устало сказал я. — Тем более, что охрана Вам не поможет. Я — ловец, и она будет полностью на моей стороне.

— Ловец? — от страха у нее расширились зрачки.

И так постоянно! Никто не любит ловцов. Можно подумать, что это мы издали закон запрещающий жить больше ста пятидесяти лет. Бред! Но нас избежали и боялись, словно мы прокаженные.

— Да, ловец, — подтвердил я. — И мне не хотелось бы применять силу. Итак, начнем сначала. Артур Зарин Ваш отец?

— Предположим, — настороженно ответила Лизи.

— А, если хорошо подумать?

Лизи прищурила глаза и склонив свою голову чуть набок, спросила:

— Скажите, я похожа на идиотку?

— Нет.

— Тогда с чего Вы решили, что я сдам Вам папу? Да, он нарушил закон и купил мне другой биор, но это ведь не сверхпреступление. Тем более прошло

столько лет...

— Во-первых, я ничего не решал. Во-вторых, у меня есть то, что очень интересует Вашего отца. Ну, а, в-третьих, в розыске находитесь Вы.

— Я?! — Лизи ошарашенно уставилась на меня.

— Да, и арестовать я должен Вас. Почему? Этот вопрос не ко мне, я лишь исполнитель.

— Скажите, — сделав шаг назад, спросила дочь профессора, — откуда Вы знаете, что я — это я?

— Это не имеет значения.

Лизи молча изучала мое лицо. Наконец, она сказала:

— Хорошо. Позвольте мне позвонить отцу. Это все какое-то недоразумение, нелепость и я уверена, что он во всем разберется.

Обычно, я сразу скручиваю беглеца, но в данном случае, она им не являлась и я, кивнув головой, ответил:

— Да, конечно.

Пока Лизи говорила по виркому, я, облокотившись о широкую стойку с брошюрами, не сводил с нее глаз. Она была совершенством. Невысокая, тоненькая, словно тростинка, с небольшой грудью и бесподобными ногами. В ней была та изюминка, что сводит с ума. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, наверняка у нас мог бы завязаться роман. Мне нравилось в ней все: и как она, разговаривая, пытается заправить непослушную прядь волос за ухо, и как хмурит свой гладкий лоб, и как покусывает свою нижнюю губу. Я смотрел на нее и не мог оторваться.

И именно в тот момент, когда я любовался точной фигуркой Лизи, одной толстой тетке, проходив-

шей мимо, приспичило остановиться напротив меня, загородив своими необъятными габаритами дочь профессора. Движением руки я попросил отойти ее в сторону, но она, нагло усмехнувшись, повернулась ко мне спиной. Выругавшись, я направился к тому месту, где стояла дочь профессора и обнаружил, что мисс Зарин исчезла!.. Только что здесь стояла и разговаривала по виркому, а теперь ее нет — она улизнула, воспользовавшись ситуацией. Во мне вспыхнула ярость. Даже не знаю, из-за чего больше. То ли оттого, что из-за собственной глупости потерял хорошие деньги, то ли от обиды что со мной так подло поступили. Я, как подорванный завертелся на одном месте. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы мой взгляд не остановился на той самой жирной корове, что загородила от меня дочь профессора. Она все еще стояла на том же самом месте и с довольным выражением лица уплетала пирожное внушительных размеров. Меня стало обуревать только одно желание — свернуть ей шею.

Я с детства не переношу людей больших размеров. Возможно, из-за того, что еще в школе надо мной постоянно измывался один толстый гаденыш, а детская психика ранима. Увидав мой взгляд, женщина засунула в рот остаток сладкого и с набитым ртом пренебрежительно бросила:

— Чего уставился, урод?

Я сжал пальцы в кулаки и медленно двинулся на нее.

Ее лицо исказилось, а в маленьких, заплывших жиром глазках, вспыхнул страх.

— Билли, Билли! — завопила она во всю мочь.

Заметив краем глаза какое-то шевеление я повер-

нул голову и в тот же миг получил мощный удар прямо в скулу. Не удержавшись на ногах я отлетел в сторону и врезался в стоявшую неподалеку каталку с покойным. Падая, я опрокинул ее на себя, и покойник, свалившись, откатился в сторону. Несколько женщин закричали. Выбравшись из-под каталки, я потер ушибленную скулу, стукнул себя ладонью по лбу и с трудом поднявшись на ноги попытался сфокусировать свой взгляд на Билли. Мне это удалось, и я увидел перед собой довольно рослого, накачанного мужчину. Рядом с ним, пытаясь подпрыгивать, продолжала верещать тетка:

— Врежь ему, Билли, врежь! Еще раз!

На мое счастье к нам подбежала охрана. Если бы не они, думаю, Билли успел бы размазать меня по стене.

Оказавшись на улице, я первым делом, надев очки, соединился с гаджетом уличных камер. Введя пароль, я подключился к панорамному обзору всех близлежащих улиц и переулков. Лизи нигде не было видно. Тогда я переключился на камеру, установленную напротив выхода из Дома Забвения, и ввел приблизительное время побега. Перед моими глазами пошла запись. Вот жена Френка вышла на улицу, постояла немного и направилась в сторону портала. Я чуть ускорил запись и остановился, когда увидел, как из дверей выбежала дочь профессора и что есть мочи побежала в сторону станции. Это плохо. Если она прошла через портал, я не смогу отследить ее передвижение. Но то, что я увидел дальше, обрадовало и расстроило меня одновременно: из соседнего переулка на большой скорости выскочил электро-мобиль и сбил бежавшую по улице Лизи. Ее словно

тряпичную куклу отбросило в сторону, и она упала прямо на тротуар. Не останавливаясь, мобиль скрылся. Лизи держась за левый бок, медленно поднялась на ноги и, сильно хромая, направилась к небольшому магазинчику. Открыв дверь она вошла внутрь. Развернув камеру под нужным мне углом я прочитал вывеску: «Элитный чай из Зазеркалья». Теперь я знал, где могу найти беглянку.

Когда я вошел в магазин, у меня над головой предательски дернулся и звякнул дверной колокольчик. За последние лет двести они снова вошли в моду, но в тот момент у меня было совсем не то настроение, чтобы умиляться его перезвону.

Место, куда я попал, больше напоминало небольшую комнатку, стены которой были полностью уставлены стеллажами. На их полках уютно расположились емкости заполненные какими-то травами, лепестками, разноцветными шариками и чем-то еще, внешне очень напоминающим опилки. Посреди комнаты стоял резной столик, на котором помимо небольших электронных весов и сканера красовалась ваза с искусственными цветами. Мое внимание привлек дверной проем, завешанный тяжелой портьерной тканью. Если за ней нет другого выхода, то Лизи могла находиться только там. Не успел я об этом подумать, как ткань шелохнулась и в проеме показалась невысокая худощавая женщина с очень короткой стрижкой. Она производила странное впечатление. Возможно, из-за нарисованных бровей или из-за шрама, идущего от правого виска через всю щеку, к подбородку. Она шагнула мне навстречу и, оглядев меня с ног до головы, спросила довольно низким для женщины голосом:

— Вы что-то ищите?

— Кого-то, — поправил я ее. — Минут тридцать назад сюда вошла молодая женщина. Где она?

— Вы ошибаетесь, сюда никто не заходил.

— Ошибаетесь, мэ. Это зафиксировали камеры слежения.

Лицо женщины пошло красными пятнами. Приблизившись к ней, я тихо добавил:

— Вы хотите, чтобы через пять минут здесь были представители ДОБа? Женщина, о которой я спрашиваю, находится в розыске и, следовательно, укрывая ее, Вы являетесь пособницей.

Она отпрянула от меня и я, отодвинув портьеру, вошел в еще одно небольшое помещение, предназначенное для хранения товара. Первое, что бросилось мне в глаза было сломанное окно-кондиционер — его цифровая картинка снежных гор тускло мерцала. Чувствовался спертый запах воздуха. На полу хаотично валялись большие коробки с товаром. На одной из них, вытянув вперед левую ногу, сидела перепуганная Лизи. Ее лицо было неестественно белым.

Засунув руки в карманы брюк, я сказал:

— Еще раз, здравствуйте, мисс Зарин.

— Сколько можно повторять: у меня другое имя, — тихо сказала она.

— Мисс Зарин, меня абсолютно не интересует Ваше нынешнее имя — это будет выяснять ДОБ, — я достал из кармана брюк пластиковые наручники. — Во всей этой истории меня огорчает то, что я, доверяя Вам, позволил обмануть себя.

Лизи сильно втянула в себя воздух:

— Что теперь об этом говорить... Странно все это.

Она с трудом поднялась на ноги и, сплетя вместе пальцы, протянула их вперед.

— Сожалею, но теперь я вынужден надеть на Вас наручники и доставить...

Договорить я не успел. Сильный удар по затылку заставил меня замолчать. Комната закружилась перед глазами и я, схватившись обеими руками за голову, обернулся назад. За моей спиной, с искаженным от ненависти лицом, стояла женщина с нарисованными бровями. Она что-то кричала мне, но я ничего не слышал — в ушах звенело. Скользнув растерянным взглядом по ее лицу я попробовал сделать шаг вперед, но упал и потерял сознание.

Очнулся я от того, что меня кто-то похлопывал по щекам. Открыв глаза, я увидел лицо склонившегося надо мной молоджавого мужчины.

— Вы кто? — хриплым голосом спросил я.

— Владелец магазина.

Он помог мне подняться и, усадив на табурет, поддал стакан воды. С жадностью выпив всю воду я вернул стакан и стал ощупывать затылок. Нащупав большую шишку я поморщился.

— Крови нет, — поспешил успокоить меня хозяин. — Вы легко отделались. Ваза была тяжелая.

— Как Вас зовут?

— Том Брук, — он опустил на колено и стал собирать с пола многочисленные осколки.

— Смотрите не порежьтесь, — предостерег я, продолжая ощупывать шишку, — лучше щеткой подмести.

— Нет у меня здесь щетки, — сказал Том, — если бы знал, что в моем магазине развернутся боевые действия, то принес бы из дома.

— Я не видел Вас здесь.

— А меня и не было. Я домой ходил.

— И оставили магазин открытым?

— Я попросил присмотреть за ним покупательницу. А что мне оставалось делать? Сюда ввалилась молодая девица и стала что-то сумбурно говорить о мобиле, который ее сбил... Что бы Вы сделали на моем месте?

— Вызвал бы медиков и ДОБ.

Он бросил несколько осколков в пустую коробку и поднялся с колена:

— Я и хотел вызвать врачей, так она не дала. Попросил ее уйти, а она ни в какую. Вот, я домой и по-

шел. Я тут рядом живу.

— А домой-то зачем?

— За обезболивающим.

— Вы хотите сказать, что храните лекарства дома? Это запрещено законом.

Том нагнувшись подобрал еще пару осколков.

— Думаете я не знаю? Но мне много лет и возраст дает о себе знать. Через неделю стукнет сто тридцать два года. Силы и здоровье уже не те... Суставы болят, одна почка отказала... Впрочем, думаю, Вам это знать не интересно.

— Почему сами не обратитесь к врачам? Они быстро все заменят.

Том криво улыбнулся:

— А Вы в курсе сколько это стоит? Мне дешевле лекарство купить у нелегальных торговцев, чем отработать предоставленные кредиты.

— Хорошо. Но зачем Вы ей хотели дать лекарство?

— Чтобы ушла быстрее, — пояснил Том. — Мне не нужны неприятности. Может она врала, что ее мобиль сбил.

— Что произошло дальше?

— А что произошло? — удивился он. — Отсутствовал, от силы минут пятнадцать. Возвращаюсь, а тут такое! Вы на полу, покупательница пытается стащить целую коробку ценнейшего чая... За что они вас так?

— Понятия не имею, — ответил я. — Возможно, они были в сговоре и хотели Вас ограбить, а я случайно зашел и помешал.

Мужчина помолчал немного и сказал:

— Думаю, Вы правы... Простите, я не спросил Ва-

шего имени.

— Алекс, — не моргнув глазом, представился я и добавил, — то, что Вы, Том, пошли домой, спасло Вам жизнь. Они могли разбить вазу и об Вашу голову.

Хозяин тяжело вздохнул и, выбросив осколки, протянул мне какой-то сплюснутый предмет:

— Это, кажется, Ваше.

Он оказался прав. Этим предметом оказались мои очки, только полностью искореженные. Видимо, кто-то уничтожал их с большим наслаждением. И я, кажется, догадываюсь, кто. Повертев в руках испорченный девайс, я бросил его в коробку с мусором. Взглянув на хозяина, я поинтересовался:

— Так Вы ее отняли?

— Что? — не понял Том.

— Коробку с чаем.

— Ах, это! Конечно. Активировал парализатор и всё — дамочки успокоились. Он ткнул пальцем в сторону.

Я перевел взгляд и обомлел. У стены, притулившись к ней спиной, сидела Лизи. Чуть в стороне от нее, лицом вниз, лежала та самая покупательница с нарисованными бровями.

Поднявшись с табурета, я был вынужден снова сесть. Моя голова просто раскалывалась от боли.

— Лекарство, где? — скривившись от боли, спросил я Тома.

Тот поморгал глазами, видимо вспоминая, куда положил обезболивающее, затем суетливо проверил все свои карманы и, нащупав пакетик с порошком, протянул его мне. Я быстро открыл его и высыпал содержимое в рот. Порошок имел приторно-сладкий

вкус, но действовал на удивление быстро — боль стала отступать. Поднявшись, я подошел к женщинам и присел на корточки. Глаза Лизи были широко открыты, а пальцы рук неестественно вздрагивали. Было видно, как ей тяжело дышать. Итак, парализатор. Откуда он у хозяина? Их запретили законом лет четыреста назад. Спросить его? Он, вряд ли, скажет правду... А штука-то убойная — действует на центральную нервную систему, парализуя ее практически полностью. Если не ошибаюсь, то у многих возникали ожоги. Я стал вспоминать, сколько по времени длится воздействие парализатора на человека. Кажется, до четырех часов... Внезапно, меня стало подташнивать.

Я повернул голову к хозяину магазина:

— Том, а это точно было обезболивающее?

Тот оторвался от подсчета коробок и взглянул на меня:

— Да. Я его почти каждый день принимаю.

— Странно, — сказал я. — Меня тошнит от него.

— Может, это последствие удара? — предположил Том и вернулся к своему занятию.

Все может быть. Я снова посмотрел на женщин.

— Как долго они находятся в отключке? — спросил я, борясь с позывами рвоты.

— Минут тридцать, — откликнулся он.

Я передвинулся поближе к покупательнице и перевернул ее на спину. Платье на ней задралось и от увиденного я присвистнул. Дама оказалась совсем не дамой. Теперь понятно, почему он так испугался, когда я упомянул о ДОБе. Уже лет семьсот гомосексуалисты, лесбиянки и прочая братия нетрадиционной ориентации были вне закона. Если, кто-нибудь

из них попадал в поле зрения ДОБа, то ничего хорошего их не ждало. Ну что же, посмотрим, что с этой личностью. Лоб и часть подбородка приобрели ярко-красный цвет. Вот и обещанный книгами ожог. Но самым неприятным было то, что нетрадиционщик не дышал. Я попробовал нащупать пульс сначала на шее, потом на руке. Он не прощупывался. Неужели труп? И тут я вспомнил, что парализатор был опасен для сердечников.

Поднявшись, я повернулся к Тому. По нему было видно, что он сильно напуган — кровь отхлынула от его лица.

— Боги, помогите мне! — запричитал хозяин магазина и бросился ко мне. — От чего он... она... оно умерло? Это, ведь, был всего лишь парализатор!

— Он опасен для сердечников, — ответил я.

Схватив меня за плечи Том заорал мне прямо в ухо:

— Но в наше время не бывает проблем с сердцем! Генетики проверяют эмбрионы! Прошу Вас, помогите мне! Я не хотел! Я защищался! Я не хочу в тюрьму!

От его визга головная боль возобновилась и подкатила к вискам. У меня свело скулы и на глаза опустилась пелена. Я оттолкнул его от себя и тихо сказал:

— Во-первых, и генетики могут ошибаться, а, во-вторых, он мог быть рожден естественным путем.

— А биор?

— Куплен на черном рынке! — я начинал терять терпение. — Вы лучше скажите, где взяли парализатор? Только правду!

Том закивал головой и быстро заговорил:

— У отца, а тот у своего. Когда мой папа умер я стал носить его при себе. В наше время безопасность не помешает. Смотрите, он так похож на обыкновенный брелок! Никто и не догадывался. Вы... Вы можете мне? Я, ведь, помог Вам... Вас тоже могли убить...

Я молчал. Он снова приблизился ко мне и шепотом предложил:

— Давайте, избавимся от него. У меня есть небольшой автобус. Перевезем тело куда-нибудь и выбросим там...

Идея мне понравилась.

— Хорошо. Подгоняйте мобиль.

— Только никуда не уходите, — жалобно попросил Том, — я скоро.

— Не уйду, — пообещал я.

Как ловец, я обязан был доложить о произошедшем в Департамент, но во мне боролись два желания: деньги и Лизи. Я хотел получить кучу кредитов, но не хотел отдавать им мисс Зарин.

Пока Том бегал за своим автобусом я вошел в программу камер слежения через виркомовский браслет нетрадиционщика. Как полезно иногда напиваться с Лоренцом. Можно узнать столько интересного. На одной из таких попок он выложил код доступа в программу. Теперь я мог не только управлять камерами, где бы они ни находились, но и удалять из их памяти любую информацию, что я и сделал. Теперь никто не узнает, что Лизи была в Доме Забвения и разговаривала со мной. Впрочем, как и то, что мы провели некоторое время в чайном магазинчике. Чтобы не оставлять следы своих пальцев я аккуратно вытер браслет подолом платья.

Том подогнал свой автобус вплотную к дверям и полностью загородил вход в магазин от камер наблюдения и посторонних глаз. Запихнув тело в одну из больших коробок, мы затащили ее в салон автобуса, после чего я аккуратно перенес и Лизи. Том пристроился около коробки, а я, преодолевая головную боль, сел за руль и нажал на газ.

У меня было странное видение — большая, черная воронка, вращающаяся со страшной силой. Было очень страшно и я, падая в нее, знал, что там меня ждет конец... И тут из ниоткуда появилось лицо Лизи. Она улыбалась и смотрела на меня так ласково... Я слышал шепот, но не понимал ни одного слова. Потом ее лицо приблизилось ко мне и она меня поцеловала — сначала в лоб, затем в подбородок, щеки и глаза. И мне стало так хорошо...

Нет, это не поцелуи. Я явно ощущал на лице чей-то влажный язык. Хвост. Конечно, это же мой Хвост вылизывал меня. Учувяв, что я пришел в себя, он заскулил, и его пушистый хвост заработал в бешеном ритме. С трудом разлепив веки, я приподнялся на локтях. Странно, но я находился дома и лежал на своей любимой тахте. Мой пес стоял рядом и, виляя хвостом, преданно смотрел мне в глаза. Протянув руку, я погладил его по голове. Хвост в ответ лизнул мою руку.

— Как я здесь очутился? — спросил я у него, с трудом поднимаясь на ноги.

Хвост протянул:

— Ве-ече-ерр. Бо-олно-о. У-упа-ал...

Я ничего не помнил. Вернее, помнил, как с трудом доехал до ближайшего транспортного портала

и, проехав через него в какой-то отдаленный уголок мира, выкинул коробку с трупом в ближайший овраг. Меня сильно рвало, голова раскалывалась, но я нашел в себе силы и довез всех обратно. А дальше провал в памяти...

С кухни доносились приглушенные голоса и я в сопровождении Хвоста буквально вполз туда. За большим кухонным столом сидели Анна, Альберто и Лизи, укутанная в теплое одеяло. Увидав меня, Анна с причитаниями бросилась ко мне. Альберто еле поспевал за ней. Они помогли мне добраться до стула и я, усевшись на него, рассеянно посмотрел вокруг себя. Анна подала мне чашку горячего бульона.

Я отхлебнул немного, обжегся, поморщился и, посмотрев на Лизи, спросил:

— У меня только один вопрос: Как я оказался дома?

Анна, смахнув с глаза слезинку, затараторила:

— Вечером прибежал Хвост. Он был так взволнован, что не мог ничего сказать. Но мы поняли, что с тобой произошла беда.

Ее перебил Альберто:

— Прибежали к тебе домой. Тебя рвет в ванной, рядом лежит эта женщина и задыхается. Ты, когда нас увидел, пытался что-то сказать, но речь была невнятная. Анна вызвала Андре, нашего младшего. Ты должен его помнить.

Я кивнул головой, хотя абсолютно не мог вспомнить, как выглядит их сын.

— Андре ведь врач, и хороший врач, — продолжал старик. — Он обследовал тебя и сказал, что ты чем-то отравился. А после того, как наш мальчик ввел тебе какие-то препараты ты сразу отключился.

Андре и подружке твоей помог.

— А почему ее лихорадит?

— Такая реакция на лекарство, — вмешалась Анна. — Софи, скажи, ты балуешься наркотиками? Как те, что боятся жизни?

— Нет, — успокоил я стариков. — Меня ударили, сильно болела голова и мне дали обезболивающее...

Альберт и Анна вздохнули с облегчением.

— Поэтому у тебя на голове такая шишка? — Анна нежно погладила меня по затылку. — А кто ударил?

Ойкнув от прикосновения, я попытался пошутить:

— Один добрый саморитянин.

— Ты бульон попей, тебе сейчас восстановиться нужно, — попросила Анна.

Я слабо улыбнулся и выполнил ее просьбу.

— Мы пойдем, Софи, — сказал Альберто. — Скоро внуки проснутся.

Он поднялся и бережно поддерживая жену под руку, повел ее к двери. Я тоже встал, чтобы проводить супругов. То ли бульон помог, то ли их сын действительно оказался отличным врачом, но я твердо стоял на ногах и — самое главное — у меня не болела голова. Поцеловав на прощание Анну, я выпустил Хвоста и вышел следом за ним во внутренний дворик. Прижавшись спиной к стене дома я прикрыл глаза и позволил прохладному ноябрьскому ветерку, впитавшему в себя запах моря, омыть меня своими ленивыми порывами. Я наслаждался его прикосновениями к моей разгоряченной коже и у меня было ощущение, что он словно очищает мое тело от какой-то серой массы, облепившей меня за

последние двое суток. Едва слышное шевеление сбоя заставило меня открыть глаза. Я повернул голову и увидел Лизи. Она стояла в проеме двери и ее по-прежнему потрясывало.

— Хочешь кофе? — спросил я ее.

— Я не люблю кофе, — ответила она, кутаясь в одеяло. — Я никак не могу согреться. Можно, я приму душ?

— Да, конечно. Пойдем, я тебя провожу...

Ее не было целый час. Когда она, наконец, вернулась, я допивал уже четвертую чашку кофе с джемом. Хвост, развалившись у моих ног, громко сопел. По тому, как покраснелись ее лицо и руки я понял, что она долго стояла под струями горячей воды, а зачесанные назад влажные волосы придавали ей трогательность.

— Я заварил тебе чай. Будешь?

— Спасибо, — она села за стол напротив меня, — а где другая женщина?

— Кто? Анна?

— Нет, другая, из магазина, — сказала Лизи, наблюдая, как я наливаю чай в чашку.

— Умерла.

— Жаль.

— Это как сказать...

Лизи как-то странно посмотрела на меня, но промолчала.

Я подвинул к ней чашку:

— Могу я спросить тебя?

Лизи кивнула головой.

— Ты вчера сказала, что отец купил тебе биор. Это правда?

— Да.